1. Этот невыносимый груз реальности.

Смерть человека – это всегда трагедия.

Харухиро не мог себе и представить, что в конце концов будет вынужден вновь пережить такое.

Разумеется, он понимал, что всё могло кончиться именно так. Вероятно, он, серьёзнее всех своих товарищей размышлял на эту тему, и до глубины души боялся такого исхода.

Но, даже предполагая гибель одного из товарищей, Харухиро оказался к ней не готов.

Чувство, посетившее его, оказалось чем-то незнакомым, очень сильно отличающимся от той боли, что он испытал после гибели Манато.

Тело перенесли в Ортану, предали огню в крематории на окраине города, и похоронили на склоне холма, под загадочной башней без входов и выходов. Память об этих событиях казалось странно размытой, но всё было улажено довольно быстро. Вероятно, благодаря помощи Рэнджи и его команды.

Однако, трудности на этом лишь начинались.

Товарищ Харухиро, его друг, мёртв. Сожжён, превращён лишь в пепел и кости, спит вечным сном на склоне того холма. Команда Харухиро потеряла Могзо.

Но хотя Могзо и нет больше в живых, свидетельства его жизни остаются с ними.

Например, его снаряжение.

Жутким образом искорёженные латы, смятый шлем, меч Рубака, отнятый у Меченого. Всё это нельзя было сжечь вместе с Могзо, хотя они и хотели бы. Но сжечь металл физически невозможно. С другой стороны, Харухиро и его друзья просто не могли выбросить все эти вещи. Но держать их негде.

– ...Может, пока что… сдадим на хранение…

Возражений на предложение Шихору не последовало. Однако, когда они прибыли в банк Йорозу, выяснился неприятный факт.

– Разумеется, наш банк принимает к хранению не только деньги, но и иную собственность.

Девочка в роскошных красно-белых одеждах, отделанных золотом – Йорозу в четвёртом поколении – взглянула на них сквозь монокль в золотой оправе, и со звоном ударила по стойке золотой курительной трубкой.

– Плата за хранение денег – один процент от суммы, за хранение вещей – одна пятидесятая от определённой оценщиком стоимости предмета. Однако, что касается этого шлема и лат, то даже без услуг оценщика видно, что они не обладают никакой ценностью.

– Э… почему?

– Неужели я должна объяснять, Грубиян.

Йорозу называет Харухиро Грубияном с самой первой их встречи. Очень обидно.

– Этот шлем и латы бесполезны. Может, потратившись, их и можно восстановить, но скорее всего кузнец возьмёт их только в качестве металлолома.

– Эй, ты! Следи за языком!

Харухиро тут же схватил и удержал попытавшегося перелезть через стойку Ранту, но мысленно соглашался с ним. Металлолом. Какой ещё металлолом? Это доспехи их друга. Доспехи Могзо. Это память о нём. Никакой это не металлолом. Может, она этого и не знает, но всё равно не имеет права говорить так! Однако, Харухиро ошибся. Йорозу прищурилась и пожала хрупкими плечами.

– Это память о вашем погибшем друге? Йорозу собирает самую разную информацию. Но, пусть и находясь в курсе дела, эта Йорозу четвёртого поколения обязана следовать правилам банка. Она не может нарушить их, ни при каких обстоятельствах. Банк не принимает на хранение вещи, не имеющие никакой ценности. Кроме того, место на складе ограничено. Если эти вещи имеют ценность для вас, то вам следует самим хранить их.

Возразить на это было нечего. Они могут сами заботиться о ценных лишь для них вещах. То есть, должны. Именно так. Им не за что винить Йорозу.

– …А, что насчёт меча?.. - спросила Шихору. Йорозу кивнула.

– Он, разумеется, приемлем. Однако, это бывшее оружие Меченого. Плата будет высока.

Когда меч осмотрел оценщик, цена оказалась не просто высокой – сногсшибательной. Двадцать пять золотых. Плата за хранение – одна пятидесятая цены, то есть, пятьдесят серебряных. Пусть они и могут себе это позволить, но всё же сумма потрясала.

– А можно, мы немножко подумаем?..

Юме права. В общем-то, решать прямо сейчас необязательно. Можно отдать меч на хранение завтра, или послезавтра, попозже.

Однако, как поведала им Йорозу, нужно решить ещё один вопрос.

– Кстати, раз уж вы здесь, вы намерены что-нибудь предпринимать насчёт вклада покойного?

– Вклада?

– В нашем банке хранятся его сбережения. Обычно лишь сам вкладчик может снять свои деньги, но в случае смерти, при соблюдении определённых формальностей, деньги можно передать другим лицам.

– Э… правда?

– Точнее, после того, как штаб добровольческого корпуса Пограничной армии издаст оповещение о смерти и предоставит подписанное властями Ортаны свидетельство о наследнике, наш банк проверит документы, после чего передаст наследнику сбережения покойного.

– Штаб… свидетельство…

– Впрочем, в данный момент банк не имеет права оглашать сумму вклада покойного.

Сколько вообще мог отложить Могзо? Вряд ли много, ведь он всегда тратил свой заработок на доспехи и питание. С другой стороны, оставлять всё как есть будет грубо по отношению к нему. Когда погиб Манато, они все пребывали в таком замешательстве, что не могли завершить его дела. Но на этот раз они сделают всё как следует. Иначе нельзя.

Но разделяют ли остальные чувства Харухиро?

На следующий день после посещения банка Йорозу, он наведался в штаб Красной Луны в одиночку. Ранта ещё спал, Юме и Шихору, когда он позвал их, ответили что-то невнятное. Мэри, разумеется, в общежитии не было. Харухиро пришлось идти одному.

Не успел он попытаться заговорить с Командующим Бри – или Бриттани – как тот первым поприветствовал его.

– О, вот и ты. Молодец что пришёл. Тебя ведь тут награда ждёт не дождётся. Слушай, в чём дело? Решили устраниться от делёжки? Мне тут прохода не дают. Эти Рэнджи с Каджико. Ну, впрочем, речь сейчас не о них, а о вас. Под лежачий камень вода не течёт, так ведь?

– …Награда?.. Э?..

Вознаграждение за участие в операции было выдано по возвращении в Ортану. Тонкие бронзовые монеты, использующиеся армией пограничья – пять штук, каждая номиналом в восемьдесят серебряных.

– А… Вы про награду за Хранителя форта, Зорана Зещщю, и шамана Абаэла?

– Ну да. Разумеется.

Бри облизнул чёрные губы и игриво подмигнул. Перестань, подумал Харухиро. Мне сейчас не до шуток.

– Сотня золотых за Зорана, пятьдесят за Абаэла. В сумме – сто пятьдесят. В особенности за Абаэла – ведь его, как я слышал, ваша команда уничтожила практически без посторонней помощи.

– А… ну, да… наверное. Теперь, когда вы сказали, да, похоже что так.

– Впрочем, возможно, в данном случае лучше разделить награду поровну. Как думаешь? Мда, похоже, никак.

– Ну… да. Я плохо в этом разбираюсь.

– Да что с тобой. Вы же совершили подвиг. Ты что, не рад?

– Рад?..

Он едва сдержал улыбку. Разумеется, слова Бри его вовсе не обрадовали. Нисколько. Так почему же? Улыбка безысходности? Тоже нет. Непонятно. Просто глупый смешок, наверное. Усмешка побеждённого. …Харухиро опустил взгляд и сжал кулаки.

– Нет… не рад… вроде.

– Да уж, наверное.

Бри вздохнул. Харухиро смотрел в пол, и не видел выражения его лица. Да и не хотел видеть.

– В общем, как бы то ни было, вы заслужили награду, и ваша доля у меня. Так что, хотя у Каджико с Рэнджи, похоже, вышел об этом спор – шестьдесят золотых.

– Шестьдесят?!

Разумеется, он был ошеломлён, словно бы пробудился ото сна. Вот бы всё произошедшее оказалось дурным сном.

– Шестьдесять золотых… шестьдесят золотых монет?..

– Именно. Если перевести в серебряные - шесть тысяч. На шестерых… то есть, нет, на пятерых, это будет по двенадцать золотых на человека.

– Двенадцать…

То, как Бри поправился, заменив шестерых пятерыми, разумеется, задело Харухиро, но всё же названная сумма поражала.

Впрочем, радости он по-прежнему не ощущал.

Ни капли.

– …Я не уверен, что имею право принимать награду.

– Не уверен?

– Нет… я возьму. Спасибо. Лучше, когда деньги есть, чем когда их нет. Просто, мне неловко. А, но сначала…

– Оповещение о смерти и свидетельство о наследовании, угадал?

– Да.

– Придётся чуточку подождать.

– Можно узнать, почему?

– Бюрократия. Потребуется дней десять чтобы подготовить бумаги. Неделя, если повезёт. Меньше чем за шесть дней ни за что не получится. Что? Ты надеялся разобраться со всем по-быстрому?

– …Честно говоря, да, наверное.

– Такие дела быстро не делаются. В случае прямого кровного родства, конечно, можно было бы сразу идти в Тенборо и подписывать бумаги. Но добровольцы ведь не родственники. Разве что в том случае, когда вступают в брак.

– Брак…

Слово, не имеющее отношения к реальности. Могзо уже никогда не женится, но Харухиро была невыносима эта мысль. Никогда. Он мёртв. Ложь. Харухиро сам, своими руками поднял безжизненное тело Могзо, сам отнёс его в крематорий, и своими глазами видел, как его друг

превращается лишь в пепел и кости. И всё же не верил в это. Не хотел верить.

– Он ведь не сделал этого, а? Тот парень. Не женился.

– …Вы правы.

– Холостой солдат добровольческого корпуса, и, разумеется, без родственников, а штаб должен выдать свидетельство о его личности. Мне потребуются подписи вас всех.

– Э? Меня одного недостаточно?..

– Именно. Нужны подписи всей команды. Притом, в моём присутствии. Иначе нельзя, закон есть закон.

– Сделаем.

– Буду ждать.

С тяжёлым сердцем покинув штаб добровольческого корпуса, Харухиро в нерешительности остановился. С Рантой, Юме и Шихору всё ясно. Но как Мэри?..

Если подумать, до сих пор они, без каких-либо договорённостей каждый день как-то сами собой собирались у северных ворот. Теперь, когда Могзо больше нет, всё ведь не будет как прежде? Наверное. После похорон Мэри переночевала в комнате Юме и Шихору, и оставалась вместе со всеми до полудня. Они вместе решали, как быть со снаряжением Могзо, вместе ходили в банк Йорозу, и простились с Мэри тем вечером, ничего не упомянув про следующий день.

Интересно, как у неё дела. Возможно, Юме с Шихору знают адрес того общежития, где Мэри снимает комнату. Нужно спросить у них и проведать её. Или нет, лучше попросить Юме и Шихору, чтобы они сами сходили. Как девушки к девушке. В общем, нужно так или иначе связаться с ней. У Харухиро ведь шестьдесят золотых награды. Их нужно разделить между ними, пятерыми. Пятерыми… Одного не хватает. Разделить на пятерых… Но ведь армейские монеты разделить не выйдет. Нужно сначала их обналичить. Наверное, это можно сделать в банке Йорозу. Можно сходить прямо сейчас. Но Харухиро, не позаботившись о документах, про которые ему рассказала Йорозу, не мог решиться снова показаться перед ней.

– А-а…

Харухиро побрёл обратно в общежитие. В нём начало нарастать раздражение.

– Как же всё надоело…

Ему хотелось опуститься на корточки, обхватить голову руками. И просто сидеть.

Внезапно, Харухиро вспомнил о Шоко. Я ведь почти забыл, подумал он. Мерзко. Я мерзкий человек. Почти до смешного гадкий. Шоко тоже погибла. Её больше нет. Вся её команда, наверное, уничтожена. Что стало с ней? Позаботился ли кто-нибудь о том, чтобы похоронить её как положено? Собственно говоря, пограничная армия старается не бросать погибших на поле боя, и хоронить их как следует.

Значит, она тоже погребена.

Сожжена, стала лишь костьми и пеплом, и похоронена на том холме. Иначе нельзя. Если тело не кремировать, проклятие Бессмертного Короля обратит её в зомби. Нельзя, чтобы Шоко

превратилась в зомби. Это отвратительно. Недопустимо.

Погибший человек лишается даже собственного тела. Но живые должны как-то жить дальше.

Делал ли я всё, что мог, подумал Харухиро. Делаю ли всё, что могу? А, Могзо? Или я достиг предела? Не к чему больше стремиться, нечего больше желать? Нет, конечно же. До сих пор я совершал лишь одни сплошные ошибки.

Ответа, разумеется, не было. Могзо больше нет. Как и Шоко. Они мертвы.

Смириться с этим невыносимо трудно, но они мертвы.

Такова реальность.

Такова истина.

– Бросить бы всё это…

Директива. Записываться было необязательно. Комада Шоко, впрочем, записалась. Решение далось тяжело.

– Кто же всё это начал…

Ранта. Этот Ранта.

– …Однако, решение принял я сам.

Если бы Харухиро тоже не проголосовал за, наверное, их команда не приняла бы участие в битве. Нет, не наверное. Скорее всего, не приняла бы. А не услышав от Шоко, что её команда решила откликнуться на директиву, Харухиро бы не передумал. Ему нужно было во что бы то ни стало остановить Шоко. Это опасно. Это безрассудно. Нельзя было соглашаться. Нужно было во что бы то ни стало переубедить товарищей, ведь они могли не записываться. Нужно было их отговорить. Проголосовать против. Пусть бы Ранта возмущался. Нет значит нет. Слишком опасно. Слишком рискованно.

Но Харухиро недооценил риск, и проголосовал за.

Понятно, подумал он. Сейчас, когда всё закончилось, те решения кажутся ошибкой. Ошибкой Харухиро, ошибкой его товарищей. Но нет смысла искать виноватых.

Потому что Могзо не вернуть.

Харухиро поднял глаза к небу. Сколько времени, интересно. Где-то три пополудни? Небо издевательски ясное. Харухиро обессиленно вздохнул. У нас солнечно, Могзо.

– …Я не могу не оглядываться на прошлое. Что мне ещё остаётся…

Невыносимо прекрасное небо словно бы насмехалось над ним.

Харухиро прикрыл глаза правой рукой. Солнечный свет просачивался сквозь ладонь.

http://tl.rulate.ru/book/94792/3192980